

18 А МНХП, VM SUP, коробка № 49, коробка № 31, Д. 1144.

19 А МНХП, VM SUP, Протокол заседания, происходившего 14
1950 г. в МВТ в Москве в 22-22.50 час. и Протокол заседания
МВТ в Москве 21.9.1950 г. в 12.30 час.

Любомир Сохор

КАУТСКИЙ И БОЛЬШЕВИЗМ

”Ренегат” Каутский реабилитирован. По крайней мере, среди критиков ленинизма и советского общественного строя. Десятилетия его подвергали оскорблениям, почерпнутым из сочинений Ленина. Ленин действительно проявил при этом незаурядную изобретательность. В брошюре ”Пролетарская революция и ренегат Каутский” Ленин обзывал своего оппонента ”социал-шовинистом”, ”беспредметным болтуном”, ”начетчиком”, ”ученнейшим прислужником буржуазии”, ”Иудушкой”, ”презренным негодяем ренегатства”, ”продажной писакой” и т.д., и десятилетиями коммунисты, как попугаи, механически все это повторяли, даже не утруждаясь прочесть, что же Каутский писал на самом деле.

Официальные идеологи препарировали работы Каутского несложно, но эффективно. Они поделили их пополам. Первая половина, охватывавшая период до первой мировой войны, признавалась ортодоксально марксистской. Эти работы разрешалось (хотя и не предписывалось) ”критически изучать”. Вторая — ”антимарксистская” (то есть антиленинская) оказалась внесенной в черный список запрещенной литературы. В Чехословакии во времена ”либерализации” некоторые из работ первой категории были даже переизданы — например, ”Экономическая теория Карла Маркса”, ”Аграрный вопрос”, а также исследование о раннем христианстве. Но даже и тогда запрещалось упоминать, что Каутский был учителем, а Ленин — его учеником. И до сих пор слушатели курсов сети партийного просвещения, до бесконечности пережевывая те или иные утверждения Ленина, даже не догадываются, что на ленинские исследования о развитии капитализма в сельском хозяйстве оказала глубокое влияние методика, разработанная Каутским в ”Аграрном вопросе”; что, не указывая при этом источника, Ленин заимствовал у Каутского свои тезисы о трех источниках и трех составных частях марксизма; что идеи Ленина о соотношении социалистического соз-

нения с рабочим движением, высказанные им в "Что делать?", — просто расковыренные цитаты из Каутского.

Предтеча еврокоммунизма

Почему же Ленин предал анафеме своего учителя Каутского? Потому, что Каутский впал в такую же ересь, что и нынешние итальянские коммунисты, а именно — критиковал теорию и практику большевизма, ленинскую и троцкистскую концепцию диктатуры пролетариата, красный террор, Октябрьскую революцию и Советскую Россию. Эту критику содержат и работы Каутского: "Диктатура пролетариата" (1918 г.), "Терроризм и коммунизм" (1919 г.) и "От демократии к государственному рабовладению" (1921 г.). В 1930 г. Каутский снова вернулся к этим проблемам, обобщив свои идеи в работе "Большевизм в тупике".

Следует отметить, что нынешняя критика левыми, в частности, еврокоммунистами, системы, рожденной в результате Октябрьской революции, — не первая критика даже со стороны марксистов. В 20-е и 30-е годы о деформации социализма и бюрократическом перерождении СССР писал уже Троцкий. Но его критика не переступала определенных границ. Он резко критиковал сталинскую "ревизию" ленинизма и сталинскую практику, но ни в коем случае не сам ленинизм. Напротив, Троцкий настаивал, что именно он — законный преемник Ленина, подлинный, чистый, верный ленинец. Каутский, как, впрочем, и Плеханов и Мартов, никогда ленинцем не был, а потому и не испытывал надобности ограждать свою критику большевизма какими-либо идеологическими рогатками. Поэтому и Каутский, и Плеханов во многих отношениях пошли дальше современных еврокоммунистов, намного раньше их высказав идеи, которые в свете недавних выступлений итальянских и испанских коммунистов выглядят почти пророчески. Их критика к тому же четче, последовательнее, чем у Троцкого и у современных еврокоммунистов. Я вовсе не утверждаю, что Троцкий и Берлингуэр просто повторяют Каутского. Различия тут существенны и легко заметны. Однако в подходах марксистской мысли к критике советской системы есть и целый ряд общих моментов. Можно ожидать, что со временем такая критика привлечет новых сторонников.

Критика Каутским большевистской теории и практики уже в первые годы существования Советской России свидетельствует, что более чем спорно распространенное сейчас мнение, будто ГУЛАГ — это неизбежное порождение марксизма, и сибирские лагеря связаны с Марксом пуповиной. Марксизм Каутского вдохновлен иными политическими идеалами и представлениями о социализме, чем красный террор, диктатура партийной бюрократии и кастрация духовной жизни, чем вера во всемогущество комиссара и его директив. Анализируя советское государство, Каутский пользовался методом исторического материализма. И именно из его марксистского анализа вытекало, что никаких элементов социализма в советском обществе нет и ни к какому социализму оно не приведет.

Каутский не разделял эволюцию советского общества на якобы подлинно революционный период при Ленине и период регресса, который связывают обычно с приходом к власти Сталина. Не отождествляя ленинские позиции со сталинскими, Каутский все же был убежден, что несоциалистический характер послереволюционного развития советского государства был предопределен захватом власти большевистской партией.

Планы и действительность

Не все прогнозы Каутского оказались верными. Он полагал, что явная несовместимость советской системы со свободой, демократией, экономической эффективностью и жизненными интересами трудящихся за очень короткий срок сделает ее нежизнеспособной. Каутский полагал, что насильственная коллективизация вызовет бунт крестьянства и что крестьяне, особенно, если им удастся заключить союз с рабочим классом, свергнут советский режим и установят демократическую парламентскую республику. Подобным образом заблуждался не только Каутский. Таких предсказаний в те времена было множество; советский режим их пережил.

По Каутскому, большевизм продолжил худшие традиции русского самодержавия:

"Русская аристократия презирала своих подданных, считая их трусливыми и безвольными рабами. Это обусловило

и методы, при помощи которых она намеревалась подняться до уровня богатой и могущественной Западной Европы. Перенималась техника, но не гарантирующие свободы институты, хотя именно свобода способствовала появлению ученых, организаторов производства да и сознательных рабочих, на которых держится сейчас техническое и экономическое превосходство Запада. Этого не понимал никто из русских самодержцев — от Петра Великого до Ленина и Сталина, которые стремились обеспечить России главенствующую роль в мире. При всех стараниях им никак не удается организовать государство и производство так, чтобы хоть сколько-нибудь приблизить их к западному уровню, не говоря уже о том, чтобы этот уровень превзойти”.

Все учебники марксизма-ленинизма приписывают Каутскому экономический детерминизм, согласно которому только развитие производительных сил готовит почву для социальной революции. На деле он придерживался диаметрально противоположного взгляда. Основным условием развития экономики и техники он считал свободные общественные отношения. Тем не менее, вера во всеспасительное воздействие передовой западной техники на русское общество очень устойчива. Многие западные советологи и даже такой политик-реалист как Генри Киссинджер находятся во власти иллюзии, будто экспорт западной техники в Советский Союз и ее внедрение там раньше или позже приведет к проникновению в советское общество западных общественных нравов и политических институтов. Иллюзия эта так же стара, как русский деспотизм.

Более 130 лет назад ее разделял “западник” Виссарион Белинский. Будучи смертельно болен, он ежедневно приходил на строительную площадку, где воздвигался петербургский вокзал — первый в России. Этот страстный противник деспотизма убеждал каждого встречного, что Россию спасут железные дороги. Увы, ни железные дороги, ни ленинская электрификация, ни освоение ядерной энергии при Хрущеве и Брежневе не повернули Россию на путь демократии и гражданских свобод. Наоборот, все эти современные технические средства оказались использованы для подавления демократии и насаждения деспотических институтов.

Два вида контрреволюции

Согласно Троцкому, вторая половина 20-х годов — это водораздел между развитием революции и периодом реакции. Приход к власти Сталина он расценивал как русский термидор. Для Троцкого, когда он организовывал внутрипартийную оппозицию, термидор означал лишь начало контрреволюции, последствиям которой предстоит проявиться в будущем. А для Каутского сама Октябрьская революция была термидором. Он отверг принятое и Лениным, и Троцким сравнение большевиков с якобинцами. Якобинцы, утверждал Каутский, остались до конца преданы идеям парламентской республики, которую большевики разрушили, и всеобщего избирательного права, которое большевики аннулировали. Их террор, полагает Каутский, был вызван обстоятельствами военного времени и, в отличие от большевистского, не коренился в политических традициях страны. Именно поэтому большевистский террор не прекратился и с окончанием гражданской войны. Напротив, он стал еще более жестоким и массовым.

Каутский отличал два вида контрреволюции, угрожающих каждой революции. Первый — это открытая контрреволюция, носителями которой являются представители старого режима. Эта контрреволюция откровенно, программно стремится к реставрации дореволюционных порядков. Второй вид — скрытый и более коварный: порождение внутренних противоречий в среде самих революционеров. Прикрываясь революционными лозунгами, эта контрреволюция выдает себя за революцию, или, вернее, изображает свой приход к власти как вершину революции, ее цель и победу. Носителями такой контрреволюции оказываются социальные группы, которые монопольно присваивают себе плоды революции, отнимая их у большей части других принимавших в ней участие сил. Эти группы истребляют революционеров и отнимают свободу у трудящихся масс.

Каутский называет такую контрреволюцию бонапартистской. В русской революции ее носителями оказались большевики. Бонапартистские тенденции большевизма проявились уже в Октябрьском восстании 1917 года, которое положило конец демо-

кратической республике и повлекло за собой разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. Шаг за шагом большевизм подчинял своему диктату пролетариат и крестьянство. Его окончательным результатом стали бюрократический деспотизм, господство новой касты и новая форма эксплуатации трудящихся.

Каутский отверг ленинское отождествление захвата средств производства государством с их обобществлением. Новый собственник может назначить самого себя посредством декрета, но декретом невозможно осуществить структурные перемены в деятельности предприятий, в положении рабочих, невозможно обеспечить их участие в руководстве обобществленными предприятиями, ввести новые отношения между производителями и потребителями и т.д.

Большевики представляли себя самыми верными учениками Маркса. Однако, по Каутскому, их марксизм проявлялся лишь в том, что они относились к сочинениям Маркса как к каноническим текстам, из которых они произвольно вырывали отдельные цитаты, к тому же истолковывая их так, как им было выгодно. Марксизм как критический метод социального исследования и поиска истины им чужд.

”Большевизм, — писал Каутский, — это заговор по образцу бланкистского. Ведущий принцип их организации — слепое послушание рядовых членов и неограниченная власть вождей. Этим большевизм напоминает скорее армию, чем политическую партию. И именно поэтому большевики добиваются наибольших успехов тогда, когда действуют военными методами”.

Милитаризация

Военные методы, как показала история, оказались для установленного большевиками контрреволюционного режима гораздо более типичными, чем мог предположить Каутский. ”Реальный социализм” бесплоден во всем, что касается развития общественных и политических отношений. Будучи неспособен внедрить какие бы то ни было мало-мальски существенные реформы, он удивительно изобретателен, когда нужно усовершенствовать систему диктатуры, контроля и репрессий. Так на-

зываемое всенародное государство показало нам на примере Польши свое подлинное лицо: это военная диктатура над рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. Отличие от большевистского прошлого, пожалуй, лишь в том, что масса ”классово чуждых элементов” теперь изгоняется не только в Сибирь, но и на Запад. Для жертв этих депортаций такая перемена, конечно, к лучшему, но для народа это все равно трагедия — он лишается лучших своих сынов.

Приближенные генерала Ярузельского хвастают, что после введения военного положения и командирования на шахты и предприятия политруков производительность труда поднялась. Много лет официальная идеология твердила о новой научно-технической революции. Теперь она обнаружила новый фактор повышения производительности, специфический для ”реального социализма” — армию, полицию и военизацию производства. В этом открытии есть доля горькой правды. Армия, действительно, стала в Польше фактором повышения производительности труда, каким при рабовладении была плеть, а при феодализме — розги.

Подмеченные еще Каутским военные аспекты большевизма сохранили актуальность и заслуживают рассмотрения. Они проглядывают в принципах партийного строительства, в партийной дисциплине, в организации экономики, в единоначалии руководителей национализированных предприятий, в идеологических кампаниях, в партийном жаргоне. Трудовые процессы превращаются в ”сражения”, жатва — в ”битву за зерно”, воспитание и образование — в ”борьбу за молодежь”, выступление свободномыслящего — в ”идеологическую диверсию”, литература и искусство — в ”идеологический фронт”, а перо писателя и кисть художника — в ”оружие”. Сталинизм трансформировал военные черты большевизма в цельную социально-политическую систему, и лишь с учетом этих ее особенностей можно объяснить ту легкость, с которой ”реальный социализм”, если этого требуют обстоятельства, преобразуется в военную диктатуру, как это случилось в Польше.